

РЕВЕРАНС

Человек из песни

К сожалению, концерты Виктора Луферова исключительно редки

Новелла МАТВЕЕВА

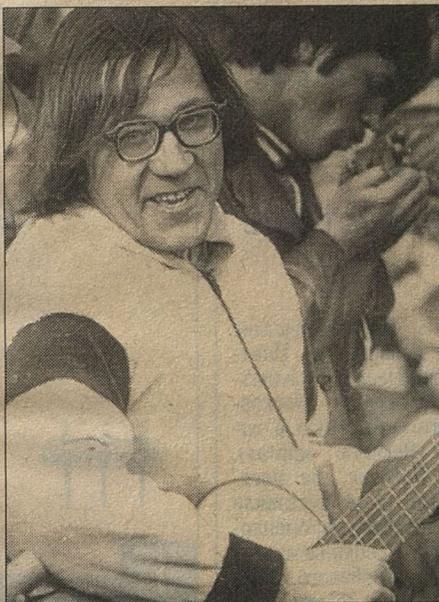
Разные голоса звучат в наше время... Один — вовсе не по-актерски! — играет кого-то, на кого совсем не похож, другой неутомимо работает в манере, которую так и хочется назвать — «Давайте вместе поплачем»... Людям наиболее благоустроенным принадлежит, я сказала бы, стиль «Караул — режут» (возникший, по всей видимости, от избытка неастранных сил), а есть голоса, при одном звуке которых вы невольно втягиваете голову в плечи, думая про себя: «А не многовато ли надо мной начальства?»

Виктор Луферов принадлежит к редким в наше время авторам-певцам, поющим в самой, может быть, непростой и самой таинственной для нас манере, а именно — в человеческой. Вне нужд артистизма и сверхтребований вымысла — ему незачем кого-то изображать — он и есть как раз тот человек, от лица которого он поет. А быть героем собственной песни — это уже и само по себе (в современных условиях) подвиг.

Быть героем песни — и какой! — всегда безупречно искренней, рыцарски преданной Прекрасному (особенно когда оно затоптано или заброшено); песни таинственной и открытой, искусной и натуральной, словно бы родившейся вместе с неподражаемым голосом!

Луферов давно и неустанно исследует песенный мир: ищет новые подступы к балладе, к пародии, к песенке игровой, комической, к песне народной и дворовой... Он взваливает на себя задачу почти непределаемую: вернуть российскому романсу (испорченному, как рецидивист и каторжник с трехсотлетним стажем) его изначальную чистоту! Не будем гадать, какая часть этой работы интуитивна, а какая — сознательна, отметим, однако, что на самое жизненность песни Луферов смотрит не так, как многие другие, а потому и стремится освободить ее (как Спящую Царевну) от зловлибных чар, которые... которые мне так давно уже хочется назвать средствами дурной выразительности!

Ни разу, ни на миг так и не признав пошлость непременимым условием, на котором искусству разрешается существовать (а потому сталкиваясь всякий раз с десятком трудностей там, где должна была быть — одна!), Луферов создал свою школу, целый свой театр с придуманным им самим новым героем Рататуем — последователем великого Петрушки... Певец обрабатывает для своего театра миф об Икаре, переосмысливает его, конструирует и приводит в действие колесную лиру, исполняет не только свои, но и песни других авторов, благоговейно изучает Вергинского...

В любой отрасли этой разносторонней деятельности Луферов мог бы смело застолбить и заявить участок своего личного Открытия. (Но — что это?! Издалека идет звон, когда гриновские герои ударяют дверным ключом о большой камень!..) На мой взгляд, у Виктора Луферова вообще нет плохих песен (для этого он — если можно так выразиться! — слишком честно работает), и вдруг... Словно бы розовый фламинго волшебными индейских сказок пролетает над вами... И это уж не та песня, которая — из неплохих, и не та, которая из интересных, — это иная песня; вообще ускользающая от умозрения, несущая на себе печать бесконечной тайны таланта... До сих пор я могла поражаться разносторонней подвижнической, исследовательской деятельности певца, признавая ее несомненную пользу. Но вот звучит «Листопад» или «Баллада о связке разноцветных шаров», или «Построю дом себе я из консервных банок» — и возникает сильное подозрение, что вдохновенный художник, пожалуй, и сам не знает той теории и практики, с помощью коих сотворил он эту одежду без швов!

На единственном пока диске (названном Луферовым по неотразимо-обаятельной одноименной песне «Не плачь, дядя!») немало песен прекрасных, но удержусь от называния давно и особо любимых мной — пусть люди, сегодня впервые ставящие на круг песни Луферова, сами выберут для себя вещи себе по нраву. Жаль, конечно, что диск не может вместить и таких — природно-луферовских — песен, как, например, «Горизонт», «Песнь о зеленой траве», «Зеленый кувшин», «Песенка о боро-

ве», «Музыкант», посвящение «А. Грину»... Но будем надеяться, что и эти песни — при выходе следующих дисков Виктора Луферова — от слушателя не уйдут.

Некоторые находят песенный стих Луферова шероховатым, несовершенным. Но ведь это же именно песенный стих; он не предназначался для декламации. А в пении все шероховатости переплавляются во единое диво, и во всяком случае я как-то не могу представить себе на месте этих слов какие-нибудь... другие! Почти баснословная открытость и прямота авторского характера как-то и не вяжется с обобщенно-шлягерной гладкой куплетной шифровкой. Иначе — как бы мог поэт быть полномочным демократическим представителем и героем собственной песни, к тому же еще и живущим в «доме из консервных банок»?!

Важно то, что и здесь (нет, особенно здесь!) можно играть на флейте,
Гадать по снам,
по птицам, по руке,
И верить,
что плывет куда-то небо,
Раз облака плывут
вниз по реке...

Кстати, это ли не музыкально и по стихам?! Не музыкальны ли на диво и по стихам: баллада о шарах, тот же «Листопад» и многие другие песни (если уж обязательно потребуется читать их, как стихи)?!

Музыкальность в целом, вдохновенная стармонизированность всего вместе — в песнях Луферова налицо. Несоответствий нет — просто — иной флейтист приходит к своей музыке, а не к чужой. И потому он приходит не с той стороны, с какой его ждали.

Концерты Луферова, к сожалению, исключительно редки. Но пишет он свои песни с 1967 года, и мелодии его (чем-то похожие на индейские, но как бы немного и японские, и гриновские — если бы Грин писал песни! — и русские — страннические) успели разлиться по свету в виде широчайшего (хотя, как водится, не называемого) влияния.

Но где же до сих пор был сам певец, поэт, композитор?

«Перед тем, как к Вам прийти, зашел я к Господу», — начинает его герой-странник порывистое, колочее, быстрое повествование об относительности вещей, наделенных в здешней юдоли базарной ценностью, о задержке в путешествии своем, о внутренней свободе человека, устремленного к правде и от неправомочности всякого чванства, потому что именно
...презренным Бог дает

А любимым Бог
корыто сытости,
скитания дает.